

Санкт-Петербургский государственный университет
Институт философии
Кафедра истории философии

**ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФИИ М. ФУКО
НА ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКУЮ
МЫСЛЬ США**

Выпускная квалификационная работа
соискателя на степень бакалавра
Сильяновой Ирины Владимировны
Научный руководитель:
д. ф. н., проф. **Соколова Л.Ю.**

Санкт-Петербург
2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. French Theory и восприятие ее идей в США	6
1.1. Semiotext(e): мост через океан	6
1.2. French Theory: основные идеи и направления развития	9
1.3. Два Фуко: французский и американский	17
ГЛАВА 2. Влияние философии Фуко на философско-культурологическую мысль США	20
2.1. Фуко: основные идеи	20
2.2. Фуко и Батлер	24
2.3. Фуко и «новый историзм»	33
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	46
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	48

ВВЕДЕНИЕ

Мишеля Фуко, всю свою творческую жизнь дрейфовавшего между дисциплинами, легко и непринужденно нарушая (а в некотором роде, и разрушая) их границы, нельзя в полной мере назвать ни философом, ни историком, ни социологом, ни психиатром, ни кем-либо еще. Интересы Фуко никогда не ограничивались какой-либо одной сферой; его творческая мысль постоянно устремлялась ко все новым горизонтам. За свою относительно недолгую жизнь Фуко успел примерить на себя роли марксиста, маоиста, структуралиста, позитивиста и т.д. При этом Фуко никогда не отождествлял себя полностью ни с одним из этих направлений. «Вся жизнь [Фуко] была опытом преодоления институциональных границ и дисциплинарных ограничений»¹, - такое мнение высказывает отечественный исследователь Д.Михель.

Многочисленные работы Фуко являют его многогранность как мыслителя и предоставляют почву для дальнейших исследований. Наследие Фуко является своего рода открытой динамической системой, потенциал которой еще только предстоит раскрыть многочисленным последователям. Пока же можно с уверенностью сказать, что творчество Фуко оказало заметное влияние на такие направления, как история наук о человеке, гендерные исследования, история медицины, история науки и т.д.

В данной работе мы постараемся рассмотреть влияние философских взглядов Мишеля Фуко на философско-культурологическую мысль США. Таким образом, объектом исследования в данном случае будет являться философия Фуко, а предметом – ее взаимосвязь и влияние на взгляды американских философов и культурологов.

Отметим, что такое исследование ввиду многообразия проблем, поднимаемых современной американской философией, является в перспективе весьма и весьма обширным и не может быть ограничено

¹ *Михель Д.В.* Мишель Фуко как мыслитель и его влияние на современные интеллектуальные направления // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия». 2007. № 2. - С.24.

рамками данной работы. Здесь же мы решили ограничиться рассмотрением влияния Фуко на американскую мысль на примере философии Джудит Батлер и «нового историзма».

Рассматривать влияние Фуко на философско-культурологическую мысль США, на наш взгляд, невозможно без исследования French Theory, «французской теории», к которой принято причислять как самого Фуко, так и многих из его американских последователей. Кроме того, было бы просто неправильно говорить, что Фуко, сколь бы велик ни был его талант, в одиночку совершил революцию в американской философии; рука об руку с ним шли Делез, Деррида и др.

Таким образом, целью нашей работы будет показать влияние философии Фуко на философско-культурологическую мысль США. Для этого мы ставим перед собой следующие задачи: 1) рассмотреть основные идеи French Theory и то, какие импликации они получили в США; показать, что Фуко являлся одной из ключевых фигур «французской теории»; сравнить восприятие идей Фуко во Франции и в Америке; 2) дать краткую характеристику философии Джудит Батлер и проследить развитие в ней идей Фуко; 3) дать характеристику «нового историзма» и проследить влияние на это направление философии Фуко.

Исследование влияния философии Фуко на философско-культурологическую мысль США актуально потому, что Америка постепенно становится деловым, политическим, экономическим, культурным центром мира, а следовательно, у нее есть все шансы стать и законодательницей интеллектуальной моды. Кроме того, американская философия сравнительно молода, а исследование, подобное нашему, может обозначить ее потенциал и вектор возможного развития. Также мы показываем большой потенциал фукольдианских исследований и обозначаем возможные пути их развития. Стоит отметить, что в нашем исследовании большое место занимает тематика взаимоотношения субъекта и власти, которая весьма актуальна в современных политических условиях.

Тему сложно назвать хорошо разработанной: в России написано немало трудов по философии Фуко, однако практически нет литературы о философии Джудит Батлер и новом историзме. Что касается последнего, то его изучают во многих странах мира - от Канады до Кении; впрочем, литература о новом историзме носит компилятивный или критический характер и редко занимается вопросами сущности и философских источников этого направления. Исследование французской теории в России представлено сборником «Республика словесности...» под редакцией Зенкина. В контексте нашего исследования очень ценной оказалась работа Кюссе «French theory: how Foucault, Derrida, Deleuze, & Co. transformed the intellectual life of the United States». Среди остальных принципиальных для нашей работы трудов стоит назвать «Герменевтику субъекта» и «Историю сексуальности-III: Забота о себе» Фуко, «Последний проект Фуко» Хоружего и др.

ГЛАВА 1. FRENCH THEORY И ВОСПРИЯТИЕ ЕЕ ИДЕЙ В США

Французская философия проникает в США в виде т.н. французской теории. Во Франции временем ее зарождения можно считать начало 1960-х гг., а в 1970-х годах интеллектуальный мир США открыл для себя французскую философию. Пик популярности французской теории в США приходится на 1980-е гг., когда ее начинают применять в области культурных, гендерных, постколониальных исследований. Также французская теория имела большое влияние на искусство и общественное движение. Из числа французских философов к представителям французской теории можно отнести Луи Альтюссера, Жана Бодрийера, Симону де Бовуар, Жюль Делеза, Феликса Гваттари, Мишеля Фуко, Жака Лакана, Юлию Кристеву, Клода Леви-Стросса, Жана-Франсуа Лиотара и др. Среди американцев это философское течение представлено Джудит Батлер, Гаятри Чакраворти Спивак, Стэнли Фишем, Ричардом Рорти, Фредериком Джеймисоном, Авиталь Ронелл, Донной Харауэй и т.д. (хотя, как считает Кюссе, отнесение всех этих авторов к французской теории несколько искусственно, но об этом позже).

1.1. Semiotext(e): мост через океан

Медиумом, принесшим французскую философию на другой континент, стал журнал Semiotext(e) (начал издаваться в 1974 году) и выпущенная им серия книг по французской теории под названием Foreign Agents («Иностранные агенты», начала издаваться в 1980 году). Свое шествие по американскому континенту французская философия начала с публикации «Симуляций» Жана Бодрийера; за ними последовали «На линии» Жюль Делеза и «Чистая война» Феликса Гваттари. Как отмечает Сильвер Лотренже, философ из Колумбийского университета, стоявший у истоков журнала, именно «маленькие черные книжки» и развернули круг

тем, которые волновали американскую культуру в течение последующих 20 лет.

Semiotext(e) «гарцевал сразу на двух континентах, как ковбой на родео»², пишет Лотренже. Авторы журнала постоянно устраивали дебаты, конференции и т.д. Причем для участия в них зачастую приглашались люди неуниверситетские – писатели, художники, активисты и т.д. (например, Джон Кейдж или Уильям Берроуз). Они должны были помочь академическому сообществу преодолеть косность, стать для него глотком свежего воздуха; такие не совсем типичные для философии фигуры были далеки от аналитики, но тоньше чувствовали мир и могли поставить ему диагноз «в терминах... клинических и резких».

Одним из наиболее ярких событий жизни журнала была конференция под названием «Шизокультура», проведенная в 1978 году. Она объединила две тысячи человек с разных континентов и стала настоящим полем боя. «Активисты, профессора, феминистки и марксисты в процессе «перестройки» (академической) в течение трех дней встречались на арене и порой яростно спорили между собой на двух языках, при этом у нас было всего полдюжины переводчиков»³, - отмечает Лотренже. На конференции присутствовали такие именитые философы и деятели искусства, как Жиль Делез, Мишель Фуко, Кэти Акер, Джон Милтон Кейдж-мл., Джек Смит, Мартина Баррат, Ли Бруер и др.

Предполагалось, что все номера журнала должны будут вызывать такой же резонанс, побуждать читателей к размышлению, преодолению границ. Поэтому каждый новый номер посвящался новой теме и оформлялся в соответствии с ней: между колонками соблюдалось разное расстояние, тексты печатались разными шрифтами и т.д. Журнал каждый раз должен быть радикальным и неожиданным. В качестве примера

² Лотренже С. Иностранцы агенты (Журнал «Semiotext(e)» и его открытие Америки) // Республика словесности: Франция в мировой интеллектуальной культуре (под изд. С.Зенкина). - М., 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://psibook.com/library/3548/13.html> (дата обращения: 25.04.2016).

³ Там же.

Лотренже приводит номер «Полисексуальность» (1981). Несмотря на свое название, номер не содержал ни одного собственно эротического или, тем более, порнографического изображения; использовались преимущественно фотографии катастроф, взятые из прессы (таким образом авторы взывали к инстинкту смерти). Весь текст был отпечатан заглавными буквами, что существенно затрудняло чтение. Теория (Лакан, Гваттари, Лиотар, Делёз, Барт) сталкивалась с текстами и документами американской культуры.

Стремясь распространить французскую философию, Лотренже околачивал пороги разных американских издательств с просьбой напечатать произведения Делеза, Фуко, Деррида и т.д., однако все его попытки потерпели фиаско. Поэтому в 1980 году Лотренже, используя имеющиеся у него и журнала ресурсы, запускает серию Foreign Agents. «Маленькие черные книжки» быстро стали популярны: они соответствовали духу времени, безупречно вписывались в эстетику Нью-Йорка и всего нового миропорядка.

Первыми «иностранными агентами» были Делез, Гваттари, Вирилио и Бодрийяр. Причем больше всего американцам понравился последний. Бодрийяр, впрочем, также питал к Америке довольно теплые чувства, хотя и отмечал, что у Штатов, в отличие от Франции, нет ни истории, ни интеллектуального комплекса. Вероятно, именно поэтому американцы так тепло восприняли «Симуляции»: их пленила их кажущаяся простота вкупе с раскованным полухудожественным стилем; эта книга давала возможность каждому почувствовать себя интеллектуалом, философом.

«Иностранные агенты» породили «отечественных агентов»: серия под названием Native Agents была предложена Крисом Краусом и запущена в 1993 году и по большей части отдана на откуп феминисткам и политическим философам. Однако такого грандиозного успеха, как французская философия, не имела.

Впоследствии журнал несколько сменил курс; к Лотренже и Краусу присоединился марокканский художник и писатель Хеди Эль Хольти.

Совместно они приходят к выводу о необходимости возвращения к изначальному органическому слиянию литературы и теории; также в обновленном журнале развивалась квир-теория.

Впрочем, в 2009 году Semiotext(e) в очередной раз запускает серию «маленьких книг»; на сей раз серия носила название «Интервенции», а первой выпущенной книгой стал «Грядущий мятеж» (The Coming Insurrection) Невидимого комитета (Invisible Committee)⁴. «Грядущий мятеж» написан группой анонимных авторов, но, тем не менее, определяется как «французский политический трактат», который описывает неминуемый коллапс капиталистического будущего. В первой части книги описываются «семь кругов отчуждения», которые проходит капиталистическое общество: от себя, социальных отношений, работы, экономики, городской жизни, окружающей среды и цивилизации. Вторая часть работы содержит предписание к осуществлению антикапиталистической революции. Очевидно влияние на «грядущий мятеж» таких мыслителей, как Фуко и Агамбен (концепция биовласти), Бадью (онтология события), Негри (концепция Империи) и др.

Параллельно с «Интервенциями» другая группа авторов Semiotext(e) под руководством Эль Хольти выпускает журнал Animal Shelter, в котором поднимается проблематика взаимосвязи живописи, литературы и секса.

1.2. French Theory: основные идеи и направления развития

Французская теория представляет собой крайне неоднородное движение, старательно избегающее любых рамок и определений, не имеющее строгой теории. Каждый автор, которого принято причислять к представителям французской теории, по-своему ставит проблематику и выстраивает собственную теорию.

⁴ Впервые была издана французским издательством La Fabrique в 2007 году.

Впрочем, есть некоторые черты, которые объединяют «французских теоретиков»: критика субъекта и непрерывности истории; обращение к Ницше, Фрейдю и Хайдеггеру; критика Критики (т.е. классической немецкой философии).

Итак, одной из черт, характерных для концепций почти всех авторов, которых принято причислять к французской теории, является отрицание субъекта как самостоятельного и независимого источника собственных мыслей и действий. За это, к слову, критики французской теории, например, Сокал и Брикмон, обвиняли противоположный лагерь – ни много ни мало – в разрушении рационалистической традиции Просвещения. Однако, как замечает Стенли Фиш в статье «Французская теория в Америке», во французской теории имело место не разрушение или отрицание рационалистической традиции, а критическое рассмотрение, «допрос» ее основных составляющих; а основы для этого заложил еще Френсис Бэкон.

Во французской теории (если не во всей постмодернистской философии вообще) «я, или познающий... не есть он сам, а нестабильный продукт дискурсивных, лингвистических форм, которые в рационалистической традиции считались вторичными и инструментальными. Я, или субъект, вместо того, чтобы быть самостоятельным творцом и хозяином собственных мыслей и восприятий, конституируется идеями, языком, схемами, моделями, определениями, которые ему предшествуют, наполняют его и дают ему (текстуальное) бытие», пишет Фиш⁵.

В качестве примера одной из наиболее характерных для французской теории концепций субъекта можно привести концепцию Фуко. Проблема субъекта всегда занимала большое место в его философии. Фуко никогда не говорит о субъекте как о чем-то сложившемся; субъект – это всегда становление; «не субстанция, но форма, которая никогда не является

⁵ *Fish S.* French Theory in America [Электронный документ] URL: http://opinionator.blogs.nytimes.com/2008/04/06/french-theory-in-america/?_r=2 (дата обращения: 25.04.2016).

самотождественной»⁶. Субъект у Фуко становится под-лежащим, тем, кто испытывает давление со стороны властных структур. Для демаркации субъекта своей концепции Фуко употребляет возвратное местоимение «soi» (наиболее широко этот «термин» используется в «Герменевтике субъекта»), которое переводится на русский язык как «себя». «Я» - это центр всякой активности человека, источник деятельности, то, из чего она проистекает. «Себя» же не является в этом смысле правомерным субъектом, поскольку не порождает эти активности, а, скорее, распределяет, обращая на самого себя, возвращая к себе. «Себя» не есть точка, в которой порождается мышление, а точка, к которой оно должно в итоге прийти.

В тесной связке с концепцией субъекта выступает концепция истории. Так, как отмечает российский исследователь А.В. Фатыхов, идея непрерывности, телеологичности и неостановимого прогресса истории вытекает именно из классического понимания субъекта с его трансценденциализмом, априоризмом, наличием вечных и неизменных структур рассудка и разума⁷. Именно против такого, классического взгляда на историю и выступали французские теоретики. Однако, как пишет Сэнд Коэн, они критиковали не только «чрезмерность теории» и «свойственную научному миру систему апроприаций и включений, идеализации»⁸, но и самих ученых-историков – за излишнюю политическую корректность, третирование инакомыслящих, принесение настоящей науки в жертву престижу и желаниям властей. Особый интерес у «французских теоретиков» вызывала проблема капитализма; однако интерес этот носил не только и даже не столько академический характер, сколько политический и социальный, и в итоге он дал толчок началу сопротивления капитализму.

⁶ Дьяков А.В. Мишель Фуко: о «смерти человека», о свободе и о «конце философии» // Вестник истории и философии КГУ. Серия «Философия». 2008. № 2. – С. 45.

⁷ Фатыхов А.В. Проблематизация классического понятия субъекта у М.Фуко // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. №6. – С.15.

⁸ Коэн С. Историография и восприятие французской теории в Америке // Республика словесности: Франция в мировой интеллектуальной культуре (под изд. С.Зенкина). - М., 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://psibook.com/library/3548/15.html> (дата обращения: 25.04.2016).

Французская теория ставила под сомнение современные либеральные, консервативные и марксистские представления об историческом знании и назначении истории. Французская теория настаивает на том, что в истории не может быть никакого окончательного «вот так было»; любое историческое повествование является неполным. Всякое историческое повествование связано с языком и им обусловлено, а дистанция между ними – не более чем симуляция. При этом французская теория исследовала не только исторические дискурсы, но и психолингвистические элементы, из которых складывается историческое сознание.

Еще одной (не отличительной, но характерной) чертой французской теории является ее обращение к немецким авторам и творческая переработка их мысли. Можно образно сказать, что за спиной каждого французского теоретика стоит немец. Как правило, это Ницше или Хайдеггер. Сделав некоторое послабление по национальному признаку, можно поставить в этот ряд и Фрейда. Критическому переосмыслению подвергаются труды немецких классиков, например, Гегеля.

Увидеть это мы можем в работах, например, американского философа Джудит Батлер, в частности, в труде «Психика власти: теории субъекции». Здесь, рассматривая проблему формирования субъекта, она обращается к идеям Ницше и Фрейда (в контексте исследования феномена совести), а также Гегеля (исследуя взаимосвязи власти и «несчастливого сознания»).

То, что французская теория обращается к немецкой философии с целью переработки ее идей, свидетельствует о том, что французская теория никогда не пыталась отвоевать себе статус национальной монополии, а ни один из ее представителей-французов не претендовал на то, чтобы говорить от имени Франции или французского духа. «Их философия противостояла любой форме национальной исключительности, национального присвоения и идентификации. Эта философия принадлежит как американской традиции (в частности, риторике и сравнительному литературоведению в США), так и

французским институтам с поддерживающим их “французским духом”», - отмечает российский философ Соколова⁹.

Попавшее в достаточно плодородную американскую интеллектуальную почву, семя французской теории вскоре принесло свои плоды. На базе французской теории появились (или получили второе дыхание) такие направления философских (и даже шире – гуманитарных) исследований, как культурные исследования (Cultural Studies, Cult. Studs.), этнические и постколониальные исследования, гендерные исследования, политические исследования; кроме того, на базе французской теории возникло такое направление исследований, как новый историзм.

Культурные исследования, как они существовали в Америке в исследуемый период, Кюссе описывает как «случайную встречу новейшей британской марксистской швейной машинки и французского теоретического зонтика на нестерильном операционном столе посреди американской досуговой, но все же культуры»¹⁰. Свое начало культурные исследования взяли в британской академической среде (Центр современных культурных исследований в Бирмингеме, 1964 год; «The Long Revolution» Уильямса, «The Uses of Literacy» Хоггарта). В Америке культурными исследованиями с подачи Джеймса Кэри впервые начинают заниматься в университете Иллинойса и Айовы. Американские культурные исследования отличались от британских в нескольких ключевых аспектах, одним из которых было то, что американское общество делилось не на два противостоящих класса, а на «микрогруппы» и «сообщества», среди которых не было резкой поляризации. Кроме того, в адрес британских исследователей от американских коллег звучали упреки в империализме, этноцентризме и сексизме.

⁹ Соколова Л.Ю. О «французском стиле» в философии // Мысль (Журнал Петербургского философского общества). 2013. Вып. 15. – С.13.

¹⁰ Cusset F. French theory: how Foucault, Derrida, Deleuze, & Co. transformed the intellectual life of the United States / François Cusset; translated by Jeff Fort with Josephine Berganza and Marlon Jones. - University of Minnesota Press, 2008. P.133.

Увеличение количества свободного времени (досуга) и новые стратегии, разработанные культурной индустрией, привели к возникновению массовой культуры, против которой марксизм оказался бессилён. На смену фундаментальной, всеобъемлющей и всеистолковывающей концепции пришли микродескрипции, свои для каждого определенного случая. Философский подтекст искали в субкультуре панков, популярности татуировок, сериале «Звездный путь» и даже в песнях Мадонны. Из-за этого, как отмечает Кюссе, культурологи («practitioners of cultural studies») оказывались на скользкой дорожке, и им требовалась поддержка французской теории: они начали применять к своим исследованиям опыт Деррида, Делеза, Фуко, Барта. При этом популярностью пользовался в большей степени «теоретический жаргон», нежели концепции в целом. Так, «перформативный театр» и «телесные потоки» Делеза применялись к анализу шоу транссексуалов и альтернативного видео; также при помощи его работ обосновывалась анорексия – как новый постфеминистский подход к «инертной этике» «постоянного отрицания».

Так как дискурс переместился из социального пространства класса в пространство сообщества, в американских университетах стали весьма популярны этнические и постколониальные исследования. Во второй половине XX века прежняя концепция идентичности ставится под сомнение, или, по крайней мере, распадается на два аспекта: во-первых, принимается во внимание кротология (теория власти), в соответствии с которой идентичность играет центральную роль в формировании международных властных отношений; во-вторых, усложняется само понятие идентичности – в силу переплетения в ней различных сложных нарративов, а также необходимости учета идентичностей диаспор и потомков мигрантов (речь идет не об одном/едином народе). Эти исследования как раз берут начало из фукольдианской концепции

формирования субъекта институтами власти и господствующим дискурсом, а также из номадологии Делеза.

Феминистскую проблематику одной из первых поднимает в своих работах Симона де Бовуар. Ключевым трудом является «Второй пол» (1949 год), в котором де Бовуар проводит анализ угнетения женщин. Эту работу относят к феминистскому экзистенциализму: де Бовуар принимает идею Сартра о том, что «существование предшествует сущности», из чего следует, что «женщиной не рождаются, ею становятся». Женщина воспринимается как социальный конструкт и отождествляется с фигурой «Другого», и именно это закладывает основу для женского угнетения. Немалое влияние на американский феминизм оказала философия Делеза (в особенности, концепция желания), а также психоанализ Лакана.

Но наибольшее влияние на американских феминисток различных направлений, а также на гей- и лесби- исследования, оказал Мишель Фуко, в особенности, его работа «История сексуальности»; ее принято считать «ключом» к американскому феминизму 1980-х гг. На работы Фуко в своих исследованиях ссылаются Джоанна Скотт, Гейл Рубин и Джудит Батлер (подробнее речь о ней пойдет далее). Фуко и феминисток связывает не только дружба на почве общности политических и этических взглядов; как отмечают критики, Фуко и феминистки разделяют «теологию освобождения»¹¹, идеи «поэтики революции» и «эстетики существования», причем последняя весьма тщательно разрабатывалась феминистками. Фуко объясняет возникновение в XIX веке современной системы сексуальности четырьмя стратегиями: сексуализацией детей, истеризацией женщин, спецификацией извращенцев и управлением народными массами. Феминистки применяют эти идеи к области гомосексуализма и криминализации тела. Фуко меняет взгляд на сексуальность вообще: она теперь рассматривается не как отношение доминирующего и подавленного

¹¹ Ibid. P.151

сексуальных субъектов, а как вопрос наделенного полом индивида («gendered identity») и гетеро- или гомосексуальных практик.

Политическая наука Америки заимствует и развивает идеи французской теории не только в этнических, постколониальных и феминистских исследованиях, но также в исследовании феномена власти в целом, а также капитализма. Здесь особой популярностью пользуются труды Бодрийяра, Делеза и Гваттари.

В 1980-х гг. в литературоведении США складывается такое направление, как новый историзм (Гринблатт, Визер, Галлахер и др.). Он стал реакцией на традиционный историзм и свои основные интуиции черпал в психоанализе Лакана, деконструктивизме Деррида, а также в философии постструктурализма, и в частности, Фуко. Так, они рассматривают историю как нарратив или сеть материальных практик. Новые историки отказываются от идей причинности, детерминизма и систематизации. Центральными проблемами для многих представителей нового историзма оставались субъект, идентичность и власть. Гринблатт в работе «Формирование «Я» в эпоху Ренессанса: от Мора до Шекспира» отмечает – вполне в духе Фуко – что формирование «Я» происходит под давлением властных структур и контроля за индивидом; происходит непременно внутри языка.

Несмотря на большое количество сторонников и последователей и довольно плодотворное развитие, французская теория имела немало критиков. В частности, ее упрекали в упадке значения гуманитарных и общественных дисциплин¹², в частности, за вред, который она якобы нанесла истории. Консервативные литературоведы выступали против основанной на французской теории «науки о литературе», утверждая, что «предмет, который она призвана изучать, располагается на неустойчивой границе между “пустыми”, досмысловыми, чисто формальными

¹² Коэн С. Историография и восприятие французской теории в Америке.

структурами текста и его смысловой множественностью»¹³. Стэнли Фиш, характеризуя восприятие идей французской теории в США, отмечает, что американцы «злоупотребляли» заокеанскими концепциями. «Американцы недоброжелательно относятся к тому что, некоторые вещи невозможны. И даже хотя сама логика французских теоретических текстов запрещает некоторые способы их использования, американцы пытались всеми способами пустить текст в дело», - пишет он¹⁴. В итоге на протяжении последних четырех десятков лет, живописует Фиш, одна группа людей угрожает революцией, которую собирается совершить при помощи даже гипотетически не пригодных для этого средств, а другая группа ловит первых не слове и пытается разжечь культурную войну. «Не комедия и не трагедия; больше напоминает фарс, но фарс с последствиями»¹⁵, - резюмирует он. Но наиболее радикально в этом плане высказался Бодрийяр: в одном из интервью он заявил, что «французская теория никому не нужна», а французские теоретики «дали американцам язык, который им не нужен»¹⁶.

1.3. Два Фуко: французский и американский

Среди всех французских теоретиков Фуко стоит особняком. Несмотря на то, что в США иконический статус закрепился за Деррида, причем еще при его жизни, влияние Фуко на американскую философско-культурологическую мысль носило долговременный характер (и до сих пор недооценено, уверен Кюссе¹⁷), а количество направлений исследований, которые он трансформировал или возникновению которых поспособствовал, впечатляет. Книги Фуко расходились практически

¹³ Зенкин С. «Французская теория»: попытка подвести итоги. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/126054p.html> (дата обращения: 25.04.2016).

¹⁴ Fish S. French Theory in America.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Questions for Jean Baudrillard: Continental Drift // New York Times Magazine. 2005. November 25. [Электронный документ] URL: <https://eupublishingblog.com/2015/07/15/nobody-needs-french-theory-an-extract-from-jean-baudrillard-from-hyperreality-to-disappearance/> (дата обращения: 25.04.2016).

¹⁷ Cusset F. French theory: how Foucault, Derrida, Deleuze, & Co. transformed the intellectual life of the United States. P. 279.

миллионными тиражами: одной «Истории сексуальности» было продано более 300 тыс. копий.

Вместе с тем, как отмечает Кюссе, Фуко американский имел ряд отличий от Фуко французского. Фуко-француз – это анархист и агитатор, увлекающийся теорией сюрреализма, в то время как Фуко-американец фокусируется на практиках и политической морали. В Америке Фуко выступает в роли интеллектуала-оракула, разоблачающего биовласть, провозглашающего квир-движение. В американском прочтении пара «знания и власти» занимает более важное место, чем в собственной перспективе Фуко, и считается ключом ко всей его философии. В Америке бином власть-знание служил для того, чтобы обрушить «башню из слоновой кости» академической науки, противопоставить универсализм и рационализм, а кроме того, лишний раз подтверждал, что норма порождается исключением (безумцами и преступниками). Проинтерпретированная таким образом философия Фуко превратилась для некоторых из его читателей в настоящую теорию заговора, и они начали требовать от общества выдачи агрессоров и жертв. Американские культурные исследования фокусируются на «разоблачении» и «делегитимизации» какой-либо формы власти, которая «душит», маргинализирует миноритарную социальную группу.

Целью Фуко было создать аналитику, а не аксиологию власти. Но в Америке Фуко превращают в защитника угнетенных и безгласых. А эту роль можно считать приемлемой, отмечает Кюссе, только если отказаться от методологической сложности дефиниции субъекта, истории и политической борьбы и от фукольдинских тезисов о том, что власть исходит из неисчислимого количества источников и сопротивление власти не может быть внешним по отношению к ней.

Кюссе констатирует, что разрыв между «двумя Фуко» возрос в последние годы творчества французского философа, когда он обращается к

тематике этики себя и парресии¹⁸. В Америке эти идеи преобразуются в методологию «самоустроения», «конструирования себя» («self-construction») и активно применяются национальными, сексуальными и прочими меньшинствами, хотя сам Фуко в своих лекциях, прочитанных в Университете Нью-Йорка, заявлял: «Последнее, что я вам хочу сказать, так это то, как нужно жить!». Тем не менее, американские слушатели ждали от Фуко именно этого, видя в нем и оракула, и учителя одновременно. Их целью было «собрать основные принципы *savoir-vivre*» для геев, активистов, философов разных толков и т.д., отмечает Кюссе. В интервью для издания *Salmagundi* Фуко даже признался, что с некой настороженностью выражает свои взгляды – столь сильно было его влияние на американскую публику.

Некоторые критики отмечали, что идеи Фуко резонируют с «американской эстетикой свободы»; бытовала идея, что Фуко и Соединенные Штаты разделяют этическую традицию, которая рассматривает создание себя («self-stylization») как практику свободы, в которой «Я» является произведением искусства, а «желательность нормализации» находилась под вопросом, если не оспаривалась. Иными словами, непризнанные или отторгаемые обществом группы американцев (сексуальные, национальные и т.д. меньшинства и т.д.) увидели в Фуко своего защитника, который «легализовал» их девиации.

¹⁸ У Кюссе - «truth-telling»; примерный русский перевод – «говорение всего». Это понятие фигурирует в «Герменевтике субъекта».

ГЛАВА 2. ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФИИ ФУКО НА ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКУЮ МЫСЛЬ США

2.1. Фуко: основные идеи

Итак, мы увидели, что влияние французской теории, а равно каждого из ее французских представителей, на американскую мысль значительно, и, разумеется, невозможно проследить влияние хотя бы одного автора на все рассмотренные выше направления развития французской теории (культурные, гендерные, постколониальные и т.д. исследования). Поэтому пытаясь рассмотреть влияние Фуко на американскую философско-культурологическую мысль, мы в рамках этой работы ограничимся только двумя примерами: философией Джудит Батлер на основе работы «Психика власти: теории субъекции» и идеями нового историзма на примере работы Стивена Гринблатта «Формирование «Я» в эпоху Ренессанса: от Мора до Шекспира». Выбор этих авторов и этих работ обусловлен тем, что именно они поднимают ключевые для творчества Фуко проблемы – субъекта и власти.

Но для начала в общих чертах изложим взгляды самого Фуко. Проблема субъекта всегда занимала важное место в его творчестве. Так, российский исследователь С.И.Голенков говорит о Фуко следующее: «В работе «Субъект и власть» (1982) он пишет, что цель работы в последние 20 лет состояла не в анализе феноменов власти, а в написании истории различных режимов субъективации человека в западноевропейской культуре, которые преобразуют людей в субъекты»¹⁹.

Трактовка проблемы субъекта в творчестве Фуко со временем менялась и воплощалась в ряду следующих вопросов и исследований: отношение «нормального» человека к «безумию», проблема

¹⁹ *Голенков С.И.* Понятие субъективации Мишеля Фуко // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2007. № 1. – С.54-66 [Электронный документ]
URL:<http://www.phil63.ru/ponyatie-subektivatsii-mishelya-fuko> (дата обращения: 23.03.2016).

«дисциплинарной власти», отношение человека к собственной сексуальности.

Итак, субъект Фуко – это «субъект безумный, субъект желающий, субъект производящий, субъект сексуальности и т. д., во всей его конкретной данности»²⁰. Концепция Фуко была полемически направлена против представления о «своевольном, «своевластном» индивиде «буржуазного сознания» просветительской, романтической и позитивистской иллюзии, игнорировавшей реальную зависимость человека от социальных — материальных и духовных — условий его существования»²¹. Субъект у Фуко становится под-лежащим, тем, кто испытывает давление со стороны властных структур. Для демаркации субъекта своей концепции Фуко употребляет возвратное местоимение «soi» (наиболее широко этот «термин» используется в «Герменевтике субъекта»), которое переводится на русский язык как «себя». «Я» - это центр всякой активности человека, источник деятельности, то, из чего она истекает. «Себя» же не является в этом смысле правомерным субъектом, поскольку не порождает эти активности, а, скорее, распределяет, обращая на самого себя, возвращая к себе. «Себя» не есть точка, в которой порождается мышление, а точка, к которой оно должно в итоге прийти. Из такой трактовки субъекта проявляется понятие субъективации.

«Субъективацией я назову процесс, посредством которого мы получаем складывание субъекта, точнее говоря – субъективности, каковая, очевидно, служит лишь одной из заданных возможностей организации некоего самосознания»,²² - пишет Фуко.

Процесс субъективации не является односторонним: он включает в себя и обратный процесс – процесс объективации. В процессе внутренней субъективации субъект является не просто точкой приложения внешних

²⁰ Ильин И.П. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм [Электронный документ] URL: <http://lib.philosophical.ru/il/0.html> (дата обращения: 3.04.2016).

²¹ Цит. по Делез Ж. Фуко. Пер. Е.В. Семиной. - М., 1998. С. 15.

²² Фуко М. Возвращение морали // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. Ч. 3. - М., 2006. С. 284.

сил, а неким активным началом. Ключевую роль в процессе внутренней субъективации играют практики себя (по определению Хоружего – намеренные, отрефлексированные практики, посредством которых индивид устанавливает для себя правила поведения и стремится преобразовать себя) и себя и техники себя (существующие в любой цивилизации процедуры, которые способствуют закреплению и поддержанию самоидентичности индивида; процедуры, возможные только благодаря отношениям владения собой или познания себя)²³. Конечной целью практики себя является возможность дать индивиду доступ к истине.

Фундаментальными характеристиками практик себя являются целостность и автономность. Практики себя носят целостный характер, т.к. затрагивают как физическую, так и духовную составляющую человека, а потому состоят и из физических упражнений, и из познавательных активностей.

Тем не менее, в практике себя необходимо наличие Другого. Для чего это нужно? У Фуко находим такую, довольно размытую формулировку: «другой необходим в практике себя для того, чтобы определяющая эту практику форма на самом деле достигла цели, обретя свой предмет, который есть я сам, и исполнилась им»²⁴. В самых же простых словах – человек не может сам переделать себя, поэтому Другому приходится стать «специалистом по переустройству индивида».

Ключевым моментом в практике себя является обращение на себя. «Надо отвернуться от всего... что — не мы сами... надо повернуться к себе, обратиться к себе... все наше существо должно быть обращено к нам самим»²⁵. В «Герменевтике субъекта» Фуко проводит анализ трех исторических моделей субъективности, критериями определения которых становятся характер совершаемого обращения, практик и техник себя, фигуры Другого - платоновской, эллинистической и христианской.

²³ Хоружий С. Последний проект Фуко. - М., 2010. С.5.

²⁴ Фуко М. Герменевтика субъекта. – СПб., 2007. С.149.

²⁵ Там же. С.232.

В «Герменевтике субъекта» рассматривается один из аспектов понятия власти, а именно взаимосвязь политики и этики: «забота о себе» является основой для сопротивления власти; этика заботы о себе становится практикой свободы и основой свободы человека. То, что субъект, с одной стороны, производится внешним воздействием власти, а с другой стороны является результатом духовной практики, техники образования самого себя как автономного субъекта, позволяет ему не стать марионеткой власти.

Объект воздействия власти становится интерпретатором, который впоследствии может трансформироваться в субъект действия. Интерпретируя указания власти, субъект меняет характер отношений с ней, что опять-таки служит почвой для возникновения сопротивления власти и свободы, формирования новых форм субъективности.

В других работах Фуко уделяет внимание другим трактовкам понятия власти. В частности, речь идет о дисциплинарной власти, воздействующей на индивидуально тело, и биовласти, воздействующей на население.

Для Фуко власть существует в онтологическом пространстве, она физически телесна, материальна. Власть тесно связана со знанием: именно через него власть реализует свое содержание и вообще функционирует в обществе. Российские исследовательницы Курочкина и Первушина видят в таком понимании власти продолжение классической философии, в частности, идей Парменида и Гегеля о совпадении бытия и мышления²⁶. Кроме того, в таком понимании власти Мишелем Фуко можно увидеть отголоски мира идей Платона и логоса стоиков, считают они.

Актуализированное «Я» появляется благодаря знанию, когда телесность, сексуальность начинает рассматриваться как греховность, т.е. как явление ментального порядка. Самопознание и самосознание приводят к возникновению субъективности.

²⁶ Курочкина Л.Я., Первушина В.Н. Концепция власти М. Фуко // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2013. Выпуск № 6-1, том 9. [Электронный документ] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-vlasti-m-fuko> (дата обращения: 03.05.2016).

В конце XVIII века власть начинает интересоваться не индивидуальное тело, а население; появляется т.н. биовласть. Она стремится воздействовать уже не на тело, а на человека как живое существо. При этом власть с легкостью проникает во все сферы жизни, в том числе и в повседневный быт. Власть обладает диффузным характером и не структурирована, а потому не может быть обнаружена в конкретной пространственной точке.

«Таким образом, власть есть всеобщее, децентрализованное, всепроникающее безличное явление, тесно связанное со знанием, формирующим определенный тип индивида и определенный тип деятельности»²⁷, - резюмируют исследовательницы.

2.2. Фуко и Батлер

Джудит Батлер занимает должность профессора риторики и сравнительного литературоведения в Университете Калифорнии. Наиболее известна как создательница теории гендерной перформативности. В ее работах, которые написаны тяжелым языком, над которым довольно часто подтрунивают критики, встречаются психоанализ, феминизм и политические теории сексуальности.

В качестве отправной точки для своих изысканий Батлер принимает положение, что субъект больше не является самоидентичной сущностью. Проект Батлер состоит в исследовании – при помощи классических текстов и свободной дискуссии философов – напряженности, которая заполняет пустое место, оставленное субъектом - напряженности власти, желания и ловушек идентификации. Первая работа Батлер, носящая название «Субъекты желания», дает обзор того, как желание постепенно заменяет субъект в старом смысле слова в философии «французского пост-гегельянства», как назвала его сама Батлер. К этому направлению философии она относит работы Кожева, Ипполита, Сартра, имеющего дело с их диалектическим наследием, Деррида с его «гегелевской иронией»,

²⁷ Там же.

Фуко с его интерпретацией отношения раба и хозяина, Лакана с пониманием желания как «имманентного опыта Абсолюта» и Делеза с его «пост-гегельянской эротикой».

«Психика власти: теории субъекции» – первая книга Батлер, переведенная на французский язык (2002). В этой работе Батлер пытается политизировать некоторые тезисы Лакана, а также рассмотреть психические взаимосвязи, которые в концепции Фуко существуют между «псюхе» и «полисом», между процессом субъективации и режимами циркуляции власти.

Итак, основным предметом теоретического анализа для Батлер в работе «Психика власти: теории субъекции» выступает концепция субъективности. Батлер опирается на концепцию Фуко, согласно которой субъективация есть подчинение. Из этой концепции вырастает новый взгляд на проблему власти и субъективности – теория психики власти. В рамках теории исследуется, каким образом власть задействует приватные, интимные, чувственные переживания субъекта. Субъект ощущает их как свои собственные, но в действительности они представляют собой формы участия субъекта в своем собственном подчинении.

Батлер пишет, что никакого внутреннего ядра субъективности, никакой изначальной сущности просто не существует; идентичность субъекта формируется путем исключения (отрицания) неких второстепенных (не «субъектных») характеристик; по сути, это механизм логического исключения, который коррелирует с механизмом политической дискриминации.

Ключевым понятием ее концепции является понятие пассионарной привязанности. По определению Батлер, это характерное для субъекта чувство привязанности к подчинению. Это понятие американский философ иллюстрирует на примере любви ребенка к родителям: у него нет шансов не любить их, поскольку его любовь связана с жизненными требованиями; любовь здесь не является актом свободного волеизъявления. Пассионарная

привязанность амбивалентна: она является, с одной стороны, конститутивной характеристикой субъекта, а с другой стороны – составляющей феномена психики власти.

Батлер пытается дополнить концепцию Фуко психоанализом, но не только им: помимо идей Фрейда и Лакана она использует концепцию интерпелляции Альтюссера, а также понятие совести у Ницше; кроме того, истоки проблемы формирования субъекта она усматривает еще в «Феноменологии духа» Гегеля.

Итак, перейдем непосредственно к «Психике власти». Свою работу Батлер начинает с объяснения понятия «субъекция». В трактовке Батлер субъекция – это «процесс становления субординированным властью и в то же время процесс становления субъектом»²⁸. Вслед за Фуко Батлер пишет, что субъект не может существовать без власти: именно первичное подчинение власти вызывает субъект к жизни; власть формирует субъект, обеспечивает условие его существования, траекторию его желания. «Власть внедряет себя в нас, и, ослабленные ее силой, мы интернализируем или принимаем ее термины»²⁹, - пишет американский философ.

«Форма, которую принимает власть, неуклонно отмечена фигурой обращения назад на себя или даже обращения в себя»³⁰, - отмечает Батлер. Однако субъекта, который совершает это обращение, еще не существует.

Всякий субъект привязан к своей зависимости, к своему подчинению; это чувство привязанности есть психический эффект власти – «наиболее коварный» из ее продуктов. «Субъект есть эффект власти в обратном движении»³¹, - аллегорически пишет Батлер. Чтобы прояснить эту формулировку, Батлер прибегает к примеру Ницше: если в его понимании субъект формируется волей, которая обращается назад на себя, принимая

²⁸ Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. – Харьков, СПб., 2002. С.16.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С.17.

³¹ Там же. С.20 .

рефлексивную форму, то в концепции Батлер вместо воли мы имеет власть; субъект формируется властью, которая обращается сама на себя.

Власть воздействует на субъект, как минимум, двояко: с одной стороны, она предоставляет ему возможность и формативное основание, с другой стороны – воспроизводит себя в «собственной» деятельности субъекта. Отсюда и амбивалентная природа самого субъекта.

Власть способна к воспроизводству: производимый властью субъект становится субъектом, основывающим власть. Воспроизводство власти придает процессу субординации временной, а значит, активный и продуктивный характер. Вместе с тем, неверно утверждать, что власть полностью определяет субъект, или же что субъект является полным определением власти; субъект становится чем-то выходящим за рамки логической непротиворечивости, представляет собой «болезненное, динамическое и многообещающее колебание между уже-здесь и еще-пока-нет»³².

В «Надзирать и наказывать» Фуко, отмечает Батлер, связывает формирование субъекта по большей части с регуляционными и дисциплинарными режимами, а относительно роли психических процессов хранит молчание. Между тем, Батлер уверена, что объяснение субъекции кроется как раз в оборотах психической жизни, например, в обращениях субъекта на себя.

Субъект уязвим перед властью, и это неизбежно: субъект всецело зависит от власти, ведь именно она вызвала его к жизни. Ценой собственного существования для субъекта становится субординация, подчинение власти; это подчинение также служит способом утверждения субъекта: свое основание он ищет вне себя – в дискурсе, доминантном и индифферентном одновременно.

Вопрос о субъекции, формировании субъекта посредством субординации, как отмечает Батлер, впервые поднимается уже в

³² Там же. С.28.

«Феноменологии духа» Гегеля, когда тот рассуждает о несчастном сознании, и в подходе Гегеля можно усмотреть некоторые ключевые элементы, которые впоследствии получают свое развитие и интерпретацию у Фуко, Лакана и т.д.

Идею формирования субъекта через субординацию можно усмотреть в движении раба к свободе. Освобождение раба осуществляется через различные формы этического самопорицания, отмечает Батлер. Отбрасывая внешнего Господина, раб обнаруживает себя в мире этики, в котором имеются различные нормы и идеалы. «Субъект возникает как несчастное сознание через приложение к себе... этических законов»³³, - пишет американский философ. Несмотря на то, что у Гегеля «невозможно обнаружить тело в качестве объекта философской рефлексии»³⁴, именно у него «несчастное сознание» устанавливает взаимосвязь между телесным подчинением и этическими императивами. Одной привязанности к подчинению недостаточно для того, чтобы стать субъектом, а освобождения от власти – недостаточно для того, чтобы стать свободным (здесь Батлер обращается к Ницше).

Раб у Гегеля появляется как инструментальное тело, трудом которого создаются материальные блага для жизни господина. Труд и объекты труда свидетельствуют о подчинении раба и власти господина. Самосознание (в виде страха) приходит к рабу тогда, когда приходит время отдавать результаты труда: тогда он понимает, что он воплощает себя в том, что делает, а то, что он делает, не принадлежит ему и делается под принуждением отдать это. Раб осознает себя как того, кто сотворяет объект, а следовательно сознает себя как преходящее, смертное. Смертность осознается прежде всего как телесная. «Признание телесной смерти предотвращается, однако, в пользу модуса жизни, в котором тело умирает непрерывно: значит, это ход от порабощенности раба к порабощенности

³³ Там же. С.39.

³⁴ Жакупбекова Д.А. Теория субъекции Джудит Батлер // Вестник КарГУ. – 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://articlekz.com/article/5376> (дата обращения: 28.04.2016).

несчастливого сознания»³⁵. Раб занимает место господина, становится господином своего собственного тела; из-за этого происходит расщепление психики: внутри одного сознания уживаются господство и рабство.

Тело – это возможность и даже неизбежность опыта смерти, поэтому воспринимается со страхом, и этот страх носит абсолютный характер. Защитой от этого страха служит сфера этического. Внутри сознания этот страх скрывается сначала «упорством-упрямством», а затем религиозной праведностью в отношении себя. Благоговение становится чистым чувствованием себя. Если поначалу субъект пытается подчинить свое тело идеалу, то через чувство благоговения он целиком переживает идеал, тем самым обретая более полную независимость от него. В любом случае этот опыт связан с телом; оно неизбежно как предпосылка, пишет Батлер.

Но у Гегеля субъект отщепляет себя от своего тела. Неизменный мир, в-себе-бытие, отпускает свою телесную версию в переменчивый мир, жертвует ею. Таким образом, это телесное, живущее бытие, не является источником своих собственных действий, поскольку оно не является источником собственного бытия; своей жизнью оно обязано другому бытию (вероятно, отсюда Батлер разовьет фукольдиданскую, по ее мнению, идею о душе как тюрьме тела). Отказ от «Я», он же «делание ничто», никогда не может совершиться до конца и приносит ощущение боли и удовольствия одновременно. Оценивая себя как ничто, как делание ничто, несчастное сознание в итоге редуцирует себя к телесным функциям и их продуктам. В усилии отделить себя от этой телесности, грязной и унижительной, несчастное сознание полагается на посредника, который у Гегеля будет назван «священником»: «чтобы вновь соединиться с чистым и неизменным, телесное сознание жертвует каждое свое «делание» священнику или духовному отцу»³⁶ (созвучно с фигурой Другого в процессе субъективации как его описывает Фуко).

³⁵ Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. С.45.

³⁶ Там же. С.57.

Общей чертой концепций Гегеля и Фуко является то, что тело отщеплено от субъекта, подвергается подавлению и становится на его службу, резюмирует Батлер. Вместе с тем, у Фуко до такой регуляции тело еще не сформировано; оно формируется как раз в процессе регуляции.

Далее Батлер проводит анализ концепции Фуко, которому она намерена доказать, что он недостаточно внимания уделяет психической стороне процесса формирования субъекта, и которую хочет дополнить психоанализом.

Процесс формирования субъекта у Фуко парадоксален: с одной стороны, он подразумевает становление субъектом, с другой – подчинение власти. Индивид формируется через дискурсивно выстроенную личность, например, заключенного. При этом индивид регулируется властью не извне. Власть воздействует на индивида как форма господства и в то же время побуждает его к действию. Субъекция как определенный тип власти не просто господствует над субъектом, но также задает ему ограничение в производстве, ограничение, без которого субъект не может состояться. «Власть действует не только на тело, но и в теле... не только производит границы субъекта, но и наполняет внутреннее пространство этого субъекта»³⁷, - пишет Батлер.

Подчинение всегда подразумевает вторжение власти в тело и управление им. Так, пытаясь привести тело осужденного к некому идеалу, тюрьма наблюдает, регулирует и нормализует движения, жесты, дисциплинарные режимы тела. Нормативный идеал Фуко называет душой. Душа вместе с тем – ничто иное как эффект тюремного заключения. В этом смысле душа – тюрьма тела, а не наоборот, как считалось до этого. Душа выступает в качестве инструмента власти, который формирует и культивирует тело. Ссылаясь на «Надзирать и наказывать», Батлер отмечает, что «производство «субъекта» происходит в некоторой степени

³⁷ Там же. С.79.

через субординацию и даже разрушение тела»³⁸. В некотором смысле субъект пленяет тело и даже занимает его место. По формировании субъект инвестируется сексуальностью режимом власти.

Субъект не производится одновременно целиком; субъект выстраивается в подчинении шаг за шагом. Субъект становится субъектом только посредством повторной реализации или артикуляции себя как субъекта.

Батлер же предлагает понимать душу в психоаналитическом смысле и сопоставить ее с Супер-Эго. Тогда все, что противостоит нормативному требованию, которым создается субъект, можно отождествить с бессознательным. Возможность сопротивления возникает либо внутри субъективации, либо через конвергенцию с другими дискурсивными режимами. Сопротивление также не может возникнуть вне власти; оно есть ее часть, ее самоподрыв. Психическая жизнь не является непрерывной, в самом ее сердце существует сопротивление идентичности.

Важную роль в процессе формирования субъекта играет совесть: «формирование совести вводит в действие привязанность к запрету, основывающую субъект в его рефлексивности»³⁹, отмечает Батлер со ссылкой на Фрейда.

Рассуждая о взаимоотношении тела, субъекта и психики, Батлер, опираясь на психоаналитическое представление о том, что субъект не тождественен психике, из которой возникает, и фукольдианское представление о том, что субъект не тождественен телу, из которого возникает, делает вывод о том, что тело в теории Фуко начинает заменять психику – как то, что превосходит предписания нормализации и мешает им.

Итак, мы видим, что Батлер в своей концепции субъекции отталкивается главным образом от идей, которые высказал относительно субъекта и процесса его формирования Фуко. За это ее даже критиковали

³⁸ Там же. С.80.

³⁹ Там же. С.89.

коллеги по цеху, в частности, профессор права и этики Университета Чикаго Марта Нуссбаум, которая посвятила Батлер статью под названием «Профессор пародии». В ней Нуссбаум отмечает, что Батлер слепо, безоговорочно принимает постструктуралистский тезис Фуко о том, что субъективность производится властью, тем самым оставляя субъекту только одну возможность осуществлять практики сопротивления – пародировать механизмы власти в акте перформативного действия. Впрочем, ознакомившись с работой Батлер, мы видим, что в ее концепции сопротивление не есть нечто по своей природе отличное от власти; сопротивление – это ее неотъемлемая часть; ее самоподрыв; иными словами, это не произведение субъекта, не творимая им пародия. Аналогичной точки зрения придерживается и Фуко, отмечая, что сопротивление обладает сходной природой с самой властью, т.е. оно не локализовано и т.д. Власть также не имеет четкого локуса и не действует извне; она внедрена в субъект, его тело, психику, а в равной степени – коль скоро власть содержит в себе источник сопротивления власти – внедрена и способность к сопротивлению; сопротивление власти – это не пародия, это и есть сама власть.

Отметим, что Фуко, описывая процесс становления субъектом, оперирует понятием «субъективация», в то время как у Батлер в переводе Баблюна используется понятие «субъекция». Под первой понимается «процесс, посредством которого мы получаем складывание субъекта, точнее говоря – субъективности, каковая, очевидно, служит лишь одной из заданных возможностей организации некоего самосознания»⁴⁰, а под второй, как уже говорилось выше, – «процесс становления субординированным властью и в то же время процесс становления субъектом». В контексте нашего исследования мы считаем возможным использовать эти понятия как взаимозаменяемые, поскольку оба эти процесса обозначают становление субъекта посредством воздействия

⁴⁰ Фуко М. Возвращение морали. С. 284.

власти, отражают амбивалентный характер этого процесса, его внутреннее противоречие. Отличием, не столь кардинальным, может служить разве что то, что у Фуко в процессе субъективации складывается не субъект, а субъективность, нечто волатильное, что маркируется притяжательным местоимением «soi» (себя). Но здесь же стоит отметить, что в своих последних трудах Фуко вообще отказывается от понятия субъекта.

Общим местом концепций Батлер и Фуко также является тема обращения назад/на себя. Батлер называет это обращение фигурой власти и отмечает, что субъекта, совершающего это обращение, еще не существует. Однако Батлер не станет исследовать эту тему столь же внимательно, как Фуко в «Герменевтике субъекта», в которой выделит две модели обращения – обращение-припоминание и обращение-претворение. Обращение-припоминание является частью платоновской и эллинистической моделей субъективации и связано с понятием души по Платону. «Себя» - субъект, которым должен в итоге стать человек - Платон определяет как душу. А когда душа припоминает, что она видела, пока пребывала в мире идеальных сущностей, она постигает, что она есть. В случае обращения-претворения субъекту необходимо сначала отказаться от себя, чтобы стать полноправным субъектом.

Также, подводя итог, хотелось бы заметить, что обвинения со стороны Батлер в адрес Фуко в упущении (намеренном ли, случайном) из модели субъективации психической составляющей нам кажутся не совсем правомерными. Батлер трактует концепцию власти и субъективации, опираясь на работу «Надзирать и наказывать», в то время как роль психической составляющей более полно раскрыта в «Герменевтике субъекта».

2.3. Фуко и «новый историзм»

«Новый историзм» – направление литературоведения, сложившееся в 1980-х гг. под влиянием работ Стивена Гринблатта и его

единомышленников, в числе которых Харольд Арам Визер, Кэтрин Галлахер, Луи Монтроуз, Джонатан Голдберг. «Новый историзм» возник как реакция на традиционный историзм. Кроме того, определение «новый» отсылает к «Новой истории», которая в 1960-х гг. противостояла традиционной историографии, концентрировавшей свое внимание на политических и дипломатических событиях и предполагавшей нарратив в качестве необходимого средства артикуляции прошлого. Такой нейтральный подход исключал существование в истории субъективной позиции⁴¹.

Среди философских источников «нового историзма» можно указать следующие: феминизм, деконструкция, марксизм⁴². Гринблатт и Галлахер отмечают, что в среде их единомышленников также есть лаканианцы, фрейдисты, неопрагматики и многие другие⁴³, что, разумеется, не могло не повлиять на движение «нового историзма», придав ему еще большую гетерогенность. Кроме того, они склонны усматривать корни нового историзма в трудах Джамбаттисты Вико, которые представляли собой «взрывную смесь национализма, антропологии, поэзии и герменевтики», и Гердера, утверждавшего, что рассматривая полотна в картинной галерее можно больше узнать об истории народа, нежели изучая его военную и политическую историю, а также Гирца и Ницше⁴⁴. Немало почерпнул новый историзм и у марксизма и деконструкции.

Однако наибольшее значение в формировании этого литературоведческого направления сыграл постструктурализм в целом и Мишель Фуко в частности.

«Новому историзму» импонировало характерное для постструктурализма допущение о том, что история существует всегда как

⁴¹ *Nyuma V.* New Historicism insofar as it applies to contemporary literary studies. [Электронный документ] URL: https://www.academia.edu/9059476/NEW_HISTORICISM (дата обращения: 7.04.2016).

⁴² *Hart J.* New Historicism: taking history into account. [Электронный документ] URL: <http://ariel.synergiesprairies.ca/ariel/index.php/ariel/article/viewFile/2340/2294> (дата обращения: 7.04.2016).

⁴³ *Gallagher C., Greenblatt S.* Practicing new historicism. The University of Chicago press, 2000. P.4.

⁴⁴ *Ibid.* PP. 4-5

рассказанная, т.е. как некий нарратив, и поэтому первичный смысл событий прошлого не может быть точно установлен, а также что история не является унифицированной, а наоборот, представляет собой нечто неоднородное и нестабильное. Она может дойти до нас не в первоначальном смысле, а лишь в виде интерпретаций. Каждая интерпретация рассматривается «новыми историками» как сеть материальных практик⁴⁵. Существенное отличие «нового историзма» от постструктурализма состоит в том, что последний не оставляет места для эмпатии как модуса воображения, поскольку весь мир воспринимается им как архив дискурсов⁴⁶. Тексты рассматривались постструктуралистами как системы знаков, не дающих доступа к означаемому, а поэтому новые историки берутся вернуть тексты в их социальный контекст⁴⁷. Стоит отметить, что «новые историки» ко всем текстуальным следам относятся с одинаковым вниманием и почтением, а не только к литературным произведениям. Так, например, для многих из них исследовательский интерес представляет анекдот.

«Новый историзм» также исходит из фукольдианского положения о том, что культура – это, в первую очередь, продукт текстуальный и вербальный, созданный под влиянием конкретной эпистемы посредством определенных дискурсивных практик.

«Новый историзм» представляет собой синхроническое изучение культуры, которое отмечает концептуальные связи, а не доискивается до причин и объяснений, считают исследователи Экхард Ауберлен и Адольфо Мургия⁴⁸. Их мнение поддерживает и один из основоположников движения – Арам Визер: «Новые историки удивительным образом все искажают,

⁴⁵ *Nyauma V.* New Historicism insofar as it applies to contemporary literary studies.

⁴⁶ *Auberlen E., Murguia A.* Testing Stephen Greenblatt's New Historicism // *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*. 2004. № 52.2. - P.167-177. P.170.

⁴⁷ *Ibid.* P.167

⁴⁸ *Ibid.* P.169

чтобы избежать причинности и детерминизма... они отказываются от давления гипотетических конструкторов ради удивительных совпадений»⁴⁹.

Итак, «что всегда отличало новый историзм, так это то, что «он (или, возможно, мы) сопротивлялся какой бы то ни было систематизации»⁵⁰, - отмечают Гринблатт и Галлахер в совместном труде «Practicing New Historicism». Тем не менее, есть несколько основных моментов, которые соблюдают в своих изысканиях все «новые историки». А.М.Эткинд предпочитает все же называть их именно методологией: «его [«нового историзма»] методология сочетает три компонента: интертекстуальный анализ, который размыкает границы текста, связывая его с многообразием других текстов, его предшественников и последователей; дискурсивный анализ, который размыкает границы жанра, реконструируя прошлое как единый, многоструйный поток текстов; и наконец, биографический анализ, который размыкает границы жизни, связывая ее с дискурсами и текстами, среди которых она проходит и которые она продуцирует... Новая методология упакована в материал, спрятана внутри его интерпретации. Анекдоты, цитаты и примеры светятся, как блески в калейдоскопе, отраженным светом методологии; но и свет становится виден благодаря этим блескам. Метод трудно обсуждать как таковой. Для этого нужно восстановить не только логику автора, но и часть его аргументов, и часть его материала»⁵¹. Английский исследователь Джонатан Харт приводит следующее интересное сравнение относительно методологии «нового историзма»: «Как и Мишель Фуко, новый историк должен сочетать в себе устремления археолога, антиквара и историка»⁵².

Проблема субъекта, личности и идентичности является в «новом историзме» одной из важных. Рассмотрим ее подробнее на примере книги

⁴⁹ Veesper H. A. The New Historicism. Taylor & Francis, 1989. [Электронный документ] URL: <http://www.google.by/books?id=x2iVgiP6rU8C&printsec=copyright&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 7.04.2016).

⁵⁰ Gallagher C., Greenblatt S. Practicing new historicism. P.1

⁵¹ Эткинд А.М. Новый историзм, русская версия // НЛО. 2001. №47. [Электронный документ] URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/edkin.html> (дата обращения: 7.04.2016).

⁵² Hart J. New Historicism: taking history into account.

Стивена Гринблатта «Формирование «Я» в эпоху Ренессанса: от Мора до Шекспира». «Гринблатта интересует то, как проблема идентичности была драматизирована на английской сцене (например, в Комедии ошибок), начиная с Гоббса вошла в политическую теорию и, века спустя, во фрейдовский анализ»,⁵³ - отмечает Эткинд. Коль скоро именно Шекспир был любимым объектом исследований Гринблатта, особое внимание мы уделим главе 6 «Импровизация власти», в которой Гринблатт анализирует «Отелло».

«Моя тема - формирование «я» у авторов от Мора до Шекспира; мой отправной пункт заключается в том, что в Англии шестнадцатого века имелись как «я», так и идея, что его можно формировать»⁵⁴, - так, без обиняков начинает Введение к книге Гринблатт. При этом «я» он понимает как «ощущение личного склада, характерный способ отношения к миру, структура желаний и ограничений»⁵⁵.

Гринблатт отмечает, что в начале Нового времени произошла серьезная перемена в отношении к человеку, его личности. Укрепилось мнение о том, что формирование личности – это контролируемый, искусственный процесс. Уменьшилась автономия личности, усилилось давление со стороны семьи, государства, религиозных институтов. Человек оказался в ловушке интеллектуальных, социальных, психических и эстетических структур.

Представление о том, что формирование личности – это управляемый процесс, было широко распространено в античности, однако христианство расставило свои акценты. Формирование себя было связано с идеей подражания Христу; вариации не допускались. «Не прикасайся к себе, - писал Августин. - Только попробуй построить себя самого и ты построишь

⁵³ Эткинд А.М. Новый историзм, русская версия.

⁵⁴ Гринблатт С. Формирование «я» в эпоху Ренессанса: от Мора до Шекспира (главы из книги)// НЛО. 1999. №35. [Электронный документ] URL: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/articles/english/grinblatt-stiven-formirovanie-ya.htm> (дата обращения: 7.04.2016).

⁵⁵ Там же.

развалины»⁵⁶. Однако к началу XVI века «формирование «я» приобретает иное значение: «оно описывает практику родителей и наставников; оно связано с нравами и с поведением, прежде всего - элиты; оно может подразумевать лицемерие или обман, приверженность внешней обрядности; оно подразумевает репрезентацию человеческой природы или замыслов в речи и поступках»⁵⁷.

Для Гринблатта примечательно, что именно в XVI веке появляется слово «fashion» (как глагол - в значении «формировать», как существительное – в значении «особый склад», «узор»).

Ссылаясь на Гирца, Гринблатт пишет о том, что человеческая природа не может существовать отдельно от культуры, причем культура понимается как совокупность механизмов контроля, руководящих поведением. «Формирование «я» - ренессансный вариант как раз этих механизмов контроля, культурная система значений, которая создает конкретных индивидов, управляя переходом от абстрактной возможности к конкретному историческому воплощению»⁵⁸.

Немаловажную роль в формировании индивида играет литература. Она наделена тремя функциями: 1) она является проявлением поведения конкретного автора; 2) она является выражением культурных кодов, которые формируют поведение индивида; 3) она выполняет рефлектирующую функцию по отношению к этим кодам.

Цель своего исследования Гринблатт обозначает так: «...приобрести конкретное представление о последствиях, которые имела для человеческого самовыражения - для «я» - особая форма власти, власти одновременно и локализованной в конкретных институтах... [и] повторяющихся нарративных схемах»⁵⁹. Впрочем, Гринблатт обнаруживает трезвое и даже критическое отношение к своему проекту и применяемой им

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

методологии: «единая «история «я» в шестнадцатом веке» возможна только как результат нашей потребности свести проблемы сложных творческих существ к упрощенному и удобному порядку»⁶⁰, - пишет он.

Итак, объектами исследования Гринблатта становятся шесть писателей начала Нового времени - Мор, Спенсер, Марло, Шекспир, Тиндел, Уайет – и их произведения. Их «писательскую чуткость к конструированию личности» Гринблатт объясняет динамизмом самих писателей – как социальным, географическим и т.д.

Применение интертекстуального, дискурсивного и биографического анализа позволяет Гринблатту распространить выводы, к которым он приходит в результате исследований, как на самих писателей, так и на их героев (а далее, можно предположить, - на каждого индивида данной эпохи). Вот, на наш взгляд, наиболее существенные из них:

- самоформирование личности подразумевает ее подчинение внешнему авторитету – Богу, церкви, священному тексту, государству, и т.д.;

- для формирования «я» необходим Другой, причем Другой опасный и враждебный. Им может быть Антихрист, еретик, грешник, предатель, дикарь, ведьма и т.д.;

- Другой (Чужой) – это искаженный образ власти;

- «Авторитет одного человека - это Чужой другого»;

- «когда один Авторитет или Чужой оказывается уничтожен, его место занимает другой»;

- и Авторитет, и Чужой переживаются как внутренняя необходимость;

- «формирование «я» происходит всегда в языке, хотя и не только в нем»;

- «формирование «я» всегда включает какой-то опыт угрозы, какое-то забвение или подрыв, какую-то утрату «я»⁶¹.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

«Отелло» Шекспира являет нам пример нарративного формирования «я». Ведущую роль в этом процессе играет Яго. Яго формирует нарратив, вписывая в него окружающих его людей. Но не только их – и себя самого тоже. Успех этой постоянной импровизации имеет своим истоком актерство, а то, в свою очередь, - эмпатию как умение поставить себя на место другого, а для «этой способности прежде всего требуется сознание, что человек не закреплен навеки в единой... личности»⁶². Эмпатия как утрата собственного «я» влечет за собой «беспощадное смещение и поглощение другого», особенно в контексте власти и сексуальности.

Гринблатт задается вопросом: почему все герои трагедии попадают в ловушку Яго? Ответ на этот вопрос таков: потому что все они уже имели опыт подчинения нарративу. Нарратив – это и собственная история жизни, которая рассказывается каждый раз, когда человек отвечает на любой вопрос или рассказывает о любом событии. Гринблатт иллюстрирует это положение историей самого Отелло. В руках Яго – страшное оружие: знание о том, что любой нарратив можно переформировать, заново вписать в другой нарратив, и умение это делать. «Удел всех историй, - не без пафоса отмечает Гринблатт, - уничтожение или, говоря вежливее, интерпретация»⁶³.

Перед тем, как приступить непосредственно к сравнению концепций Фуко и нового историзма, отметим, что «новый историзм» развивается в русле фукольдианства и именно из него черпает свои основные положения и интуиции.

Первое, что бросается в глаза при сравнении линий Фуко и «нового историзма», так это то, что последний заимствует многие фукольдианские концепты и термины. В первую очередь, это концепция эпистемы. Хотя «новые историки» не употребляют этот термин явно, имплицитно он содержится во всех их исследованиях, является их отправной точкой. Здесь

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

стоит отметить, что, позиционируя «новый историзм» как практику, а не как теорию, представители движения уделяют не столь большое внимание разработке терминологического аппарата, и многие их концепты, такие, например, как «социальная энергия», не подвергаются детальной экспликации. Соответственно, вполне логично ожидать, что «эпистема» будет присутствовать в трудах «новых историков» в таком же виде, в качестве, скорее, некой интуиции, чем термина с четким определением. «Новые историки» исходят из того, что в каждый определенный момент времени имеется специфическая модель истины и власти и что она находит отражение в литературе, и наоборот. Во многих трудах «историков» можно заметить положение о том, что литература во все времена являлась инструментом идеологии. Так, например, в «Формировании «Я» в эпоху Ренессанса» Гринблатт высказывает мнение, что Шекспир вполне мог быть транслятором власти и ее идей, и что, пожалуй, мог бы дать начало тому, что сейчас называется массовыми коммуникациями и средствами массовой информации. Текст и контекст в исследованиях новых историков могут меняться местами, давая начало новым проблемам и исследованиям.

Неудивительно, что «новый историзм ослабил борьбу и противостояние, которые Фуко считает естественной частью любой структурированной системы власти», - замечает один из исследователей нового историзма⁶⁴. Фуко пишет о том, что любое действие власти вызывает противодействие, но не дает явных указаний на то, что индивид может вырваться из этих властных полей. Хотя с натяжкой можно посчитать косвенным подтверждением противоположной точки зрения ссылки Фуко в статье «Что такое автор?» на Фрейда и Маркса как создателей новых дискурсов; они все равно остаются и действуют внутри эпистемы. «Новые историки» выступают против этого детерминизма и говорят о том, что чтобы увидеть их правоту, достаточно «обратиться к обширности

⁶⁴ Nyuma V. New Historicism insofar as it applies to contemporary literary studies.

текстуального архива»⁶⁵. Анализируя Шекспира, Гринблатт находит в его «Отелло» подтверждение своей точки зрения: «если у Шекспира и есть намеки на возможность вырваться из сложных нарративных систем, в которые вписан каждый человек, то эти намеки связаны не с угрюмым сопротивлением и не с громогласным негодованием, то есть не с позицией Жака (из «Как вам это понравится») или Тимона (из «Тимона Афинского»). Парадоксальным образом они связаны с особенно интенсивной покорностью, чья "прямая дерзость" подрывает все то, что должна была уберечь, - покорностью, воплощенной не в Отелло или Яго, а в Дездемоне»⁶⁶.

Объединяет Фуко и «новых историков» синхронический подход, хотя в первом случае с его позиций изучается, скорее, история, а во втором – скорее, культура. Все же не стоит забывать, что хотя исследования как Фуко, так и «новых историков» являются междисциплинарными, Фуко – все-таки философ, а «новые историки» – литературоведы и литературные критики, по крайней мере, в своих истоках. Возможно, поэтому они и к тексту относятся немного по-разному.

Исследования как Фуко, так и «новых историков» носят свободный характер: методология не предшествует исследованию, а рождается в нем, и невозможно восстановить ее, не привлекая части текстов или биографии самого исследователя. Фуко, который с самого начала своей деятельности как в жизни, так и в науке был таким одиночкой, находящимся за пределами каких-либо строгих направлений, возможно, стал образцом исследователя – «нового историка». Гринблатт характеризует исследование, проводящееся «новым историком» как «private, individual, obsessive, lonely»⁶⁷ - «интимное, индивидуальное, становящееся одержимостью, одинокое». Исследование «нового историка» всегда подразумевает эмпатию (чего нет у Фуко). Этот его характер отчасти обусловлен и тем, что человек

⁶⁵ Gallagher C., Greenblatt S. Practicing new historicism. P.16.

⁶⁶ Гринблатт С. Формирование «я» в эпоху Ренессанса: от Мора до Шекспира.

⁶⁷ Gallagher C., Greenblatt S. Practicing new historicism. P.18.

не может полностью очиститься от опыта, в первую очередь, по мнению «новых историков», эстетического (что, в общем, логично, коль скоро речь идет об исследовании литературы и как вида искусства в том числе). Важную роль в процессе исследования играет воображение. При этом можно отметить, что «новые историки», пожалуй, обладают большей свободой, чем Фуко. Если он претендует на поиск истины, пусть даже в рамках какой-либо отдельно взятой эпистемы и т.д., то исследования «новых историков», по сути, не имеют конца, и от установления или провозглашения каких-либо истин они сразу отказываются: «новый историзм становится историей возможностей: будучи чрезвычайно заинтересованным в коллективном, он остается приверженцем ценности единичного: один голос, какой-то отдельный скандал, временный набросок»⁶⁸.

При таком подходе «новые историки» не могут претендовать на построение единой унифицированной системы знания, представлений о человеке, обществе, культуре, их взаимоотношении на протяжении веков. Что позволяет нам сделать вывод, что это все же литературная критика, хотя и достаточно глубокая, довольно серьезная, но никак не философская система или учение. Вместе с тем, «новый историзм» является продолжателем идей Фуко: чего стоит идея рассмотреть историю как «историю человеческого тела и субъекта». С этих позиций они изучают Ренессанс, которому Фуко, по сравнению с Новым временем и античностью, уделял мало внимания. И хотя эти исторические периоды весьма близки между собой, «новые историки» подступают с других сторон, интерпретируя новые тексты, изучая новые ситуации, социальные группы или структуры и т.д. Иными словами, продолжают развитие идей Фуко как интенсивно, так и экстенсивно. Стоит также отметить, что их

⁶⁸ Ibid. P.16.

занимает тот же круг предметов, что и Фуко – власть⁶⁹, сексуальность, насилие, исповедь. Одинаково трепетное отношение у них и к эллинизму: «уникальный период... между Цицероном (106-43 до н.э.) и Марком Аврелием (121-180 н.э.)» имел, по мнению Гринблатта, колоссальное значение для формирования Ренессанса, и, соответственно, нашего времени.

Что еще есть общего у Фуко и «новых историков»? Пожалуй, критика, которая поступает в их адрес. И связана она, главным образом с тем, что в качестве предметов своих исследований они выбирают не показательные, не принципиальные для эпохи тексты, либо же работают с ними неким неподобающим образом. Вот какой пассаж приводят в своей статье Ауберлен и Мургия: «Брук Томас и Элизабет Фокс-Джиновиз задавались вопросом, так ли историчен новый историзм. Более того, Викерс и МакАлиндон развернули целую атаку на исследовательские стандарты Гринблатта, уличая его в несвязности аргументов, небрежном выборе и использовании источников, склонности к предельной генерализации [и т.д.]»⁷⁰. Подобной критике подвергает уже Фуко отечественный исследователь И.П.Ильин: «Можно согласиться с Лейчем, когда он приходит к выводу, что Фуко акцентирует случайности, а не универсальные правила; поверхности, а не глубины; множественности, а не единства; изъяны, а не обоснования; различия, а не тождественности. Тем не менее, понимание этого факта крайне затруднительно из-за сложности аргументации текстов Фуко. Поэтому создается впечатление, что он занят поисками глубин, правил и обоснований. В конечном счете Фуко создает формы порядка как беспорядка, а не отдельные случаи беспорядка в общем порядке»⁷¹.

В общем, становится совершенно очевидно, хотя сравнение с другими философскими источниками «нового историзма» произведено лишь

⁶⁹ Новые историки придерживались тех же взглядов на власть, что и Фуко: она не локализована, а исходит отовсюду.

⁷⁰ *Auberlen E., Murguia A. Testing Stephen Greenblatt's New Historicism. P.168.*

⁷¹ *Ильин И.П. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм.*

частично и, что называется, вскользь, что влияние Фуко на «новый историзм» стало определяющим. Каков был сам Фуко, почти таковыми являются и его последователи: если Фуко не занимался выстраиванием Системы, подобной гегелевской, то продолжатели его идей не строят систем, подобным марксовой. Сложно дать этому однозначно положительную или отрицательную оценку; как знать, возможно, именно эта вольность, индивидуальная ангажированность, личный и даже интимный характер исследования двигают вперед науку и приближают нас к истине.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в ходе нашего исследования были выполнены обозначенные во введении задачи. Было установлено, что French Theory представляет собой весьма гетерогенное движение, авторы которого придерживаются порой совершенно различных взглядов. Тем не менее, их всех объединяет отрицание субъекта как самостоятельного и независимого источника собственных мыслей и действий; критика идеи непрерывности, телеологичности и неостановимого прогресса истории; обращение к немецким авторам и творческая переработка их мысли. Идеи «французской теории» дали начало американским культурным исследованиям, гендерным и постколониальным исследованиям, феминистской философии и т.д. При этом именно Фуко явился одним из выразителей идей французской теории в Америке, и именно его творчество во многом послужило началом или импульсом для развития американской философии. Также была выявлена разница в восприятии идей Фуко во Франции и в США, была предпринята попытка провести черту между этими «двумя Фуко».

Была рассмотрена концепция субъекции Джудит Батлер. Было выявлено, что свое начало она берет именно в трудах Фуко. В частности, Батлер заимствует у французского философа идею формирования субъекта через субординацию, подчинение власти; обращается внимание на амбивалентный характер этого процесса. При этом власть, как и у Фуко, рассматривается американским философом не как нечто локализованное и действующее извне; отмечается противоречивость понятия власти. Также было установлено, что Батлер дополняет концепцию Фуко идеями Фрейда, Лакана, Альтюссера и др.

Было установлено, что и «новый историзм» обязан своим возникновением во многом именно Фуко. «Новый историзм» заимствовал из философии Фуко ключевые положения, концепты, проинтерпретировав их в своем духе и активно используя в своей работе. Особенно в этом плане стоит выделить задумку «новых историков» насчет воссоздания истории как

истории человеческого тела и субъекта. Один из лидеров «нового историзма» Стивен Гринблатт выстраивает свою «философию» вокруг фукольдианских понятий власти, сексуальности, насилия, эпистемы, дискурса. Кроме того, «новые историки» унаследовали дух исследования; Фуко, вписав метод внутрь самого предмета изысканий и открыв дорогу по-настоящему свободному исследованию, больше, чем когда-либо сопряженному с творчеством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Батлер Дж.* Психика власти: теории субъекции. – Харьков, СПб., 2002.
2. *Голенков С.И.* Понятие субъективации Мишеля Фуко // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология.». 2007. № 1. – С.54-66 [Электронный документ] URL:<http://www.phil63.ru/ponyatie-subektivatsii-mishelya-fuko> (дата обращения: 23.03.2016).
3. *Гринблатт С.* Формирование «я» в эпоху Ренессанса: от Мора до Шекспира (главы из книги)// НЛО. 1999. №35. [Электронный документ] URL: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/articles/english/grinblatt-stiven-formirovaniya.htm> (дата обращения: 7.04.2016).
4. *Делез Ж.* Фуко. Пер. Е.В. Семиной. - М., 1998.
5. *Дьяков А.В.* Мишель Фуко: о «смерти человека», о свободе и о «конце философии» // Вестник истории и философии КГУ. Серия «Философия». 2008. № 2. – С. 45-53.
6. *Жакупбекова Д.А.* Теория субъекции Джудит Батлер // Вестник КарГУ. – 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://articlekz.com/article/5376> (дата обращения: 28.04.2016).
7. *Зенкин С.* «Французская теория»: попытка подвести итоги. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/126054p.html> (дата обращения: 25.04.2016).
8. *Ильин И.П.* Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм [Электронный документ] URL: <http://lib.philosophical.ru/il/0.html> (дата обращения: 3.04.2016).
9. *Коэн С.* Историография и восприятие французской теории в Америке // Республика словесности: Франция в мировой интеллектуальной культуре (под изд. С.Зенкина). - М., 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://psibook.com/library/3548/15.html> (дата обращения: 25.04.2016).
10. *Курочкина Л.Я., Первушина В.Н.* Концепция власти М. Фуко // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2013.

Выпуск № 6-1, том 9. [Электронный документ] URL:
<http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-vlasti-m-fuko> (дата обращения:
03.05.2016).

11. *Лотренже С.* Иностранцы агенты (Журнал «Semiotext(e)» и его открытие Америки) // Республика словесности: Франция в мировой интеллектуальной культуре (под изд. С.Зенкина). - М., 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://psibook.com/library/3548/13.html> (дата обращения: 25.04.2016).

12. *Мишель Д.В.* Мишель Фуко как мыслитель и его влияние на современные интеллектуальные направления // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия». 2007. № 2. - С.24-31.

13. *Соколова Л.Ю.* О «французском стиле» в философии // Мысль (Журнал Петербургского философского общества). 2013. Вып. 15. – С.7-18.

14. *Фатыхов А.В.* Проблематизация классического понятия субъекта у М.Фуко // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. №6. – С.15-18.

15. *Фуко М.* Возвращение морали // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. Ч. 3. - М., 2006.

16. *Фуко М.* Герменевтика субъекта. – СПб., 2007.

17. *Хоружий С.* Последний проект Фуко. - М., 2010.

18. *Эткинд А.М.* Новый историзм, русская версия // НЛЮ. 2001. №47. [Электронный документ] URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/edkin.html> (дата обращения: 7.04.2016).

19. *Auberlen E., Murguia A.* Testing Stephen Greenblatt's New Historicism // Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik. 2004. № 52.2. - P.167-177.

20. *Cusset F.* French theory: how Foucault, Derrida, Deleuze, & Co. transformed the intellectual life of the United States / François Cusset; translated by Jeff Fort with Josephine Berganza and Marlon Jones. - University of Minnesota Press, 2008.

21. *Fish S.* French Theory in America [Электронный документ] URL: http://opinionator.blogs.nytimes.com/2008/04/06/french-theory-in-america/?_r=2 (дата обращения: 25.04.2016).

22. *Gallagher C., Greenblatt S.* Practicing new historicism. The University of Chicago press, 2000.

23. *Hart J.* New Historicism: taking history into account. [Электронный документ] URL: <http://ariel.synergiesprairies.ca/ariel/index.php/ariel/article/viewFile/2340/2294> (дата обращения: 7.04.2016).

24. *Нуаума V.* New Historicism insofar as it applies to contemporary literary studies. [Электронный документ] URL: https://www.academia.edu/9059476/NEW_HISTORICISM (дата обращения: 7.04.2016).

25. Questions for Jean Baudrillard: Continental Drift // New York Times Magazine. 2005. November 25. [Электронный документ] URL: <https://eupublishingblog.com/2015/07/15/nobody-needs-french-theory-an-extract-from-jean-baudrillard-from-hyperreality-to-disappearance/> (дата обращения: 25.04.2016).

26. *Veese H. A.* The New Historicism. Taylor & Francis, 1989. [Электронный документ] URL: <http://www.google.by/books?id=x2iVgiP6rU8C&printsec=copyright&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 7.04.2016).